

Julia E. MÜLLER

PhD of Philology, Assoc. Prof., Department of German Language, National Research University Higher School of Economics; Moscow, Russia;
e-mail: jmueller@hse.ru; mob. +7 9166858121

SEMANTIC TRANSFORMATIONS IN LITERARY TRANSLATIONS

Summary. The article deals with semantic transformations in German-Russian literary translations. The author focuses on widely-recognized kinds of transformations: generalization, particularization, modulation, antonymic translation and lexical omissions and additions. The aim of the article is to find out the reasons of transformations; divergence in semantic and stylistic characteristics of vocabulary units, necessity to transform the syntactic structure of the sentence, difference in word co-occurrence, valence of the verbs, gap in extralinguistic knowledge of recipients of the original text and translation, pragmatic unacceptability of literal translation or semantic redundancy of the original. The article listed the features of influence of various factors on the choice of transformative techniques by translator. The author believes that the lexical-semantic transformations in most cases are inextricably linked to the syntactic and stylistic transformations, and gives examples of translation of art texts by German authors into Russian.

Key words: lexical-semantic transformation, generalization, modulation, particularization, antonymic translation, lexical omissions and additions, German-Russian translation.

Статью получено 10.08.2014 г.

УДК 811.161.1'42'373.74:82-84(089.3):17.022.1 Иоанн Кронштадтский

ПАНОВА Анна Александровна,

аспирант кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета; Ростов-на-Дону, Россия;
e-mail: panuann@yandex.ru; моб.: +7 8 919 8904794

АФОРИСТИКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЖИЗНЕННОЙ ФИЛОСОФИИ В ДНЕВНИКАХ ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО 1856—1858 гг.

Аннотация. В статье рассматриваются функции афористических единиц в дневниках Иоанна Кронштадтского (Сергиева) 1856—1858 гг. Отмечается способность афоризмов отражать нравственные приоритеты автора исследуемых дневников. В статье приводится тематическая классификация афоризмов, которые по семантике условно можно поделить на две крупные группы: характеризующие «мирское» и «религиозное» в авторской языковой картине мира. Подвергаются подробному анализу афоризмы из трёх тематических групп, наиболее актуальных для Иоанна Кронштадтского. Таким образом, в статье рассматриваются афоризмы о страстях человека, о призвании священнослужителя, о соотношении Божественного и человеческого начал в человеке. Активное использование тропов в дневниковых записях объясняется их когнитивными свойствами, а также способностью тропов к «пролонгированному» действию. Одной из ярких синтаксических особенностей афористики дневников Иоанна Кронштадтского предстаёт вовлечённость афоризмов в сложное синтаксическое целое. В рамках сложного синтаксического целого происходит развёртывание той или иной темы при помощи афоризмов, в структуре которых наблюдаются лейтмотивные повторения образов, лексических единиц и т. д. Сложное синтаксическое целое может насчитывать в своей структуре от трёх до девяти афоризмов.

Ключевые слова: афоризм, дневник, моральные ценности, религиозный дискурс, Иоанн Кронштадтский.

Материалом для исследования послужила выборка из дневников Иоанна Кронштадтского 1856—1858 гг. [3] общим объёмом в 480 страниц, включающая 982 афоризма. «Афоризм — это краткое (преимущественно в рамках одной синтаксически завершённой единицы) словесно-художественное произведение конкретного автора, выражающее законченную мысль, претендующую на общезначимость и оригинальность формы и содержания» [2, с. 23].

По семантике афоризмы Иоанна Кронштадтского можно условно разделить на две группы. В первую, самую обширную, входит 715 афоризмов, характеризующих «мирское» в авторской картине мира. Самыми значимыми в ней оказываются обобщающие изречения о проблемах, связанных с подверженностью человека страстям: гневу, зависти, жадности, чревоугодию и т. д. (240 единиц); о добре и зле в мире (98 единиц); о жизни и смерти (76); о соотношении разума и сердца в человеке (64); о ценности любви (41); о правде (28); о важности языка и правильной речи (24); о справедливости и о счастье человека (по 20 единиц); о душе (19); о необходимости отвечать за свои поступки (16); о человеческой силе (10). Меньше афоризмов

в таких тематических подгруппах: о труде (7); о необходимости человеческой благодарности и об отношении к стабильности в жизни (по 6 единиц); о семье (4); о человеческой индивидуальности и о совести (по 2); о законе (1). Несколько обособленно выделяется небольшая группа изречений (33 афоризма), которая как будто связывает мирское и религиозное, касаясь проблемы соотношения в человеке «своего» (т. е. человеческого) и «Божьего» начал. По сути, эти афоризмы характеризуют человека независимо от того, светское он лицо или духовное.

Вторую группу, менее раздробленную в сознании о. Иоанна, составляют 267 афоризмов, характеризующих «религиозное» в картине мира автора. В этой группе находятся афоризмы, затрагивающие вопросы, к которым о. Иоанн обращается вновь и вновь на страницах своего дневника. Будучи на тот момент 28-летним священником, о. Иоанн пытается определить свою личную миссию священнослужителя. Так, религиозная составляющая картины мира в дневниках 1856—1858 г.г. складывается из афоризмов, в которых молодой священнослужитель старается определить сущность веры (102 единицы), Бога (84), молитвы, которая является основным делом священнослужителя и предстаёт средством постижения мира (50 афоризмов), а также афоризмы о призвании священника (23) и об институте Церкви (3).

Безусловно, все афоризмы представляют интерес, однако, в статье мы ограничимся анализом афоризмов трёх тематических подгрупп: о страстях, о призвании священника и о соотношении в природе человека Божественного начала и собственно человеческого. Выбор этих групп обусловлен их особой актуальностью для Иоанна Кронштадтского.

Наибольшую тематическую группу (240 афоризмов, треть всего материала) составляют афоризмы о страстях человеческих. Они отражают центральную проблему дневников 1856—1858 гг. Тема одержимости человека той или иной страстью чаще других поднимается о. Иоанном. Возможно, это объясняется его возрастом: молодой священник признаётся, что сам ещё подвержен страстям, как и любой человек. Подобного рода афоризмам свойственна различная степень конкретизации: одни из них обличают страсти вообще, более или менее абстрактно, другие изображают конкретные человеческие слабости и пороки, которые Иоанн Кронштадтский боится обнаружить в себе или уже обнаружил и желает искоренить.

Природа человеческих страстей объясняется о. Иоанном так: *В довольстве малым заключается счастье человека. Страсти — от недовольства* [3, с. 372]. *Видишь лукавство affectus: она всё ищет большего и не довольствуется тем, что даётся* [3, с. 26]. Наиболее общие причины о. Иоанн обозначает формулой *все страсти происходят от недостатка любви к Богу или ближнему и от большого самолюбия* [3, с. 339]. Подчёркивается, что сам человек повинен в наличии у себя страстных привязанностей: он слишком *самолюбив*, поэтому имеет *недостаток любви к Богу или ближнему* и увлекается страстями. Некоторые афоризмы, построенные на противопоставлении, обладают интонационной жёсткостью, категоричностью, не терпящей возражений, поиска других вариантов. В подобном категоричном письме отражаются такие качества о. Иоанна, как строгость к самому себе, бескомпромиссность, когда речь идёт о послаблении и, как следствие, возможной податливости греху.

Ряд афоризмов посвящён изображению действия страстей в душе человека: *Действия внутри нас страстей подобны пламени, охватывающему внутренние стены здания, или воспалению в какой-либо части тела* [3, с. 252]. *Страсти грызут душу, как лютейшие адские псы* [3, с. 210]. Всякая страсть подвергает человека нестерпимым мучениям. О. Иоанн сравнивает процесс, происходящий в душе человека, охваченного какой-либо страстью, с *воспалением, подобным пламени*. Страсти болезненны, мучительны и страшны, потому они *грызут душу, как адские псы*. Олицетворение страстей, т. е. наделение их возможностями живых существ, демонстрирует страх о. Иоанна перед их действием. Он воспринимает их как действительную, реальную опасность, а не гипотетическую опасность.

Последствия воздействия страстей на человека разрушительны: *В молитве жизнь сердца имеет самое важное значение. Не подняться ему к Богу, если страсть какая будет гнети его* [3, с. 217]. *Страсти выгоняют из сердца веру, надежду и любовь, а добродетели утверждают их в сердце* [3, с. 152]. *Если в сердце живут страсти, тогда и внутренняя, и внешняя жизнь человека бывают безобразными* [3, с. 373]. *Не ослепляйся жития страстными, не сковывай ими бессмертного своего духа* [3, с. 285]. *Кто прилепляется чрез страсти к диаволу, тот один дух с диаволом, тогда как прилепляйся Господеву един дух есть с Господом* [3, с. 299].

Страсть, по мнению Иоанна Кронштадтского, является препятствием, которое мешает человеку приблизиться к Богу (*не подняться ему к Богу, если <...>*). Невозможность для человека, погрязшего в страстях, быть с Богом, в свою очередь, вытекает из того, что страсти *выгоняют из сердца веру, надежду и любовь*, т. е. то, без чего бессмысленна жизнь любого человека. Когда нет в людях этих необходимых составляющих духовной жизни, *и внутренняя, и внешняя жизнь человека бывают безобразными*. Именно страсти сковывают бессмертный дух человека, делая его своим рабом. Вывод, к которому приходит на страницах своего дневника о. Иоанн, состоит в том, что страсти помогают дьяволу заполнить душу человека.

Пример *Кто прилепляется чрез страсти* <...> показывает, что страсти представляют собой одну из главных опасностей для человека, так как именно они приводят к самому страшному, что может случиться с христианином, — к связи с тёмной силой и потере связи с Богом, т. е. к потере спасения и вечной жизни, которые заменяются вечными мучениями в том случае, если человек подвержен страстям.

Олицетворение в данном случае не является приёмом для повышения воздействия речи на кого-либо, поскольку анализируемые афоризмы функционируют в тексте личного характера, не предназначенном для других. В дневниковых записях о. Иоанна олицетворение — это средство выражения личных переживаний, осознания зла в образе страстей и личного опыта противостояния им.

О. Иоанн замечает, что одна из трудностей в борьбе человека со страстями состоит в том, что страсти всегда тесно связаны друг с другом. Губительна сила даже одной страстной привычки человека, одного послабления души, так как она влечёт за собой действие других страстей: *Все страсти тесно связаны между собою: ненависть со скупостью, гордостью, завистью и другими! Дай овладеть собой одной страсти — и тобой овладеют и другие* [3, с. 341]. Способ обезопасить себя от страстных наваждений один: *Держи себя на свободе бесстрастия — и тебе будет всегда хорошо* [3, с. 326].

Задумывается о. Иоанн над тем, под каким обликом страсти входят в душу человека. Страсти обладают таким свойством живых существ, как способность обманывать: *Страсти обманчивы! Они непременно принимают на себя вид какой-то справедливости и — уловляют бедную душу в свои сети и мучат её, поймавши, как неосторожную птичку* [3, с. 222]. *Страсть часто прикрывается, как личиною, видом истины* [3, с. 405]. Очевидно, что доминантной чертой всех страстей становится их внешняя привлекательность. Обманчивый вид помогает страстям незаметно входить в жизнь человека, их внешнее обличье способствует тому, что человек не распознаёт их как опасность, следовательно, часто не сопротивляется им, тогда как, по мнению о. Иоанна, борьба со страстями должна быть непрерывной. В приведённых афоризмах встречаются традиционные образы: зло — *сети* для человека, душа — *птичка* (ср. с традиционным образом *голубя*). Хрупкость души, а также бережное к ней отношение о. Иоанна отражены в уменьшительно-ласкательной форме слова.

В исследуемых дневниках было обнаружено 4 афоризма, в которых говорится о *страстном* человеке: *Страстный человек есть вор: он сам себя окрадывает, окрадывает спокойствие своей души* [3, с. 52]. *Человек, в сердце коего гнездятся страсти, бывает задумчив, сердцем двоякий, в словах своих отрывист, неточен, в действиях нерешителен* [3, с. 118]. *Горе человеку тому, который не знает над собою начала. Делая своим началом себя самого, он поставляет над собою началом свои страсти, которые ввергают его во все беды* [3, с. 63]. Заметим, что для о. Иоанна *страстным* является человек, в котором *живут, гнездятся страсти* (обратим внимание, что страсти представлены как объединения множества живых существ, что делает афоризм ещё более экспрессивным: страсти, которых и так много, усиливаются, увеличиваясь в количестве) и который *поставляет над собою началом*, т. е. которым страсти буквально управляют, поработив его изначально свободную душу. Человек, поработённый страстями, пребывает в постоянном беспокойстве, т. е. лишён одной из главных ценностей — спокойствия. О. Иоанном подчёркивается неспособность такого человека к любви, к добру и вообще ко всему высокому.

Не менее интересны афоризмы, в которых отражено стремление Иоанна Кронштадтского создать образ священнослужителя, определить его призвание, миссию (23 афоризма). Важность для автора записей именно на эту тему подчёркивается двумя факторами: 1) лейтмотивным повторением афоризмов, затрагивающих вопрос о миссии священнослужителя (впервые такие афоризмы встречаются на с. 20 текста, т. е. почти в начале дневниковой тетради; последний — на с. 357, практически в конце записей; остальные распределены равномерно по всему тексту); 2) только афоризмам данной тематики предшествует подзаголовок, уточняющий, кому именно адресованы последующие слова (в рукописи о. Иоанном выделяется слово «*Священнику*» перед теми фрагментами текста, где впоследствии были обнаружены данные афоризмы (см. примечания к изданию на с. 493).

Обратимся к афоризмам, благодаря которым в дневниках Иоанна Кронштадтского формируется образ священнослужителя. Прежде всего, служитель Церкви должен быть личностью и обладать чувством собственного достоинства (8 единиц): *Нужно иметь священнику сознание собственного достоинства, иначе он низок будет и в своих глазах, и в глазах других* [3, с. 120]. Это требование связано с особой миссией священнослужителя, являющегося во время богослужения связующим звеном между Богом и верующими, что налагает на него и особые обязательства: *Ты вождь во время Богослужения. Крепись и мужайся против врагов невидимых. Худо, если вождь преткнётся и падёт. Это произведёт упадок духа и в молящихся* [3, с. 116]. *Ты в церкви — как хозяин дома* [3, с. 141]. Непосредственная связь священнослужителя с Богом подчёркивается в афоризме *Священник есть живой орган*

Истины [3, с. 154]. Заметим: определяя роль священника, Иоанн Кронштадтский использует существительные *вождь* и *хозяин*, которые несут в себе идею лидерства (священник — пастырь, руководитель вверенных ему прихожан).

Однако есть два исключения, подчёркивающих, во-первых, что проповедование — нелёгкий труд и часто священнику не дано увидеть его результат (*Проповедник пусть уподобляет себя полевому работнику, который пахнет не своим плугом, сеет господское, вверенное ему семя и которому редко, весьма редко суждено дожить до всходов и жатвы* [3, с. 72]), а во-вторых, что по воле Господа проповедник поставлен служить верующим: *Ты, по слову Христову, слуга для пасомых: аще кто хочет болий бытии в вас, да будет всем слуга* [3, с. 193]. Как видно из примеров, проповедник на деле не *хозяин* или *вождь*, а лишь *полевой работник*. Прослеживается иерархия: среди людей священнослужитель — пастырь, наставник, которого можно по праву назвать *хозяином* и *вождём* прихожан, но по отношению к Богу он только *работник*, который *сеет господское*, т. е. Божие. И с точки зрения Бога проповедник — *слуга для пасомых*, ибо он соединяет людей с Господом, служит для этого. Но, подчеркнём, лишь с точки зрения Бога, а не людей: *Во время службы не заботься о том, что скажут о тебе люди, а что скажет Господь Бог: пред Ним все люди — ничто* [3, с. 116].

Важнейшей чертой, без которой для о. Иоанна немислим образ священнослужителя, является любовь к Богу и своей пастве (три афоризма). Уточняется, что любовь должна быть ревностной, ср.: *При службе живой верою и любовью обнимаю Бога и народ — помни, что ты ходатай о народе пред Богом* [3, с. 241]. *Я проповедую, учу, но если нет в словах моих апостольской любви к пастве, апостольской ревности об их спасении, мало мне от этого учения пользы* [3, с. 357]. Для христианина любовь к ближнему является одной из главных заповедей. Священнослужитель, поставленный Богом наставником к верующим, прежде всего, должен любить их, следуя заповеди, и беспокоиться об их спасении, т. е. об их духовном, нравственном состоянии. *Ревностность* подчёркивается Иоанном Кронштадтским как особое требование, поскольку одним из страшных грехов в христианстве считается безразличие, которому ревностность и должна противопоставляться: *Имей ревность Божию: без ревности священник — ничто, потому что без ревности он не имеет и веры* [3, с. 250].

В афористике дневников Иоанна Кронштадтского нашла своё отражение попытка определить, чего в человеке больше — Божьего или человеческого (33 афоризма). Человек ничего своего не имеет, поскольку он — создание Божие: *Люди созидаются Богом, как здания, как маленькие домики* [3, с. 173]. *Всё, что около человека, — не его, а Божие, и всё, что у человека, — Божие, а не его* [3, с. 25]. *Во всём надейся на Господа и ни в чём — на себя; весь ты — не свой, а Божий* [3, с. 228]. Однако ничтожность человека, по мнению о. Иоанна, имеет и другое значение: *Где начинается наше ничтожество, там же начинается и Божие в нас величество* [3, с. 245]; *Человек, сподобившийся принять в себя Духа Святого, как бы исчезает для себя: он видит в себе только величие Божие* [3, с. 158]. Таким образом, для о. Иоанна ничтожество человека имеет оборотную сторону: ничтожество может быть результатом растворения человека в вере. Возникает оговорка: в человеке есть кое-что от себя, своё, личное и это — всё то злое и грязное, что он делает: *Когда я Божий, тогда мне хорошо, а когда свой — худо* [3, с. 360]. *Начиная с дыхания, ты — весь Божий, а начиная с худого помысла до худого дела, ты — весь свой* [3, с. 385]. *Божие: и одежда тела, и весь внутренний человек, кроме его грехов* [3, с. 143]. *Сам я, сам я живо чувствую, что своего у меня — одни только слабости и недостатки* [3, с. 28]. В попытках найти ответ на вопрос о том, что такое человек, священнослужитель проясняет и природу зла. Зло способно творить та часть души человека, которая действует исключительно по своей воле.

Афористичность языка дневников Иоанна Кронштадтского связана не только с обилием афоризмов в тексте, но и с такими явлениями, как обращение автора дневников к прецедентным источникам (209 афоризмов, 21 %), образность языка, связанная с использованием тропов: метафоры, сравнения, олицетворения и др. (489 афоризмов, 49 %). Это объясняется, очевидно, когнитивными свойствами тропов и их способностью к «пролонгированному» действию [5, с. 16—23].

Подавляющее большинство прецедентных феноменов (179 единиц) составляют изречения из Библии. Источниками послужили также русский паремиологический фонд (16 единиц), латинские и греческие изречения (6) и афористические высказывания Иоанна Златоуста (2). Больше половины афоризмов, отсылающих к прецедентным текстам (112 единиц), представлены в дневниках о. Иоанна как самостоятельные цитаты из авторитетных источников (в 34 случаях изречение предваряется вводными замечаниями, уточняющими первоисточник) и как составная часть афоризмов, принадлежащих собственно о. Иоанну.

Особенностью функционирования афоризмов в текстах дневников Иоанна Кронштадтского выступает их способность образовывать межфразовые единства. В дневниках 1856—1858 гг. насчитывается 151 цепочка (353 афоризма, 36 %), в которых афоризмы объединены в единое логическое пространство и работают на раскрытие одной микротемы [о подобных явлениях

в тексте см.: 1, с. 26—41; 4, с. 36—39]. Длина таких цепочек колеблется от двух до девяти афоризмов. Кроме того, они могут находиться в пределах одного сложного предложения с бессоюзной связью: в этом случае афоризмы буквально нанизываются друг на друга, соединяясь цепной связью.

Рассмотрим самую длинную цепочку афористических изречений, в состав которой входят 9 афоризмов, связанных внутренними семантическими отношениями. Так, восемь из девяти предложений локализируются в двух соседних предложениях (афоризмы выделены нами полужирным и отделены друг от друга двумя чертами в случае их контактного расположения): *Встань иди ко Отцу Моему (Лк. 15, 18). Приметьте, братие: сколько отдельных грехов, сколько отдельных страстей или худых привычек и наклонностей, столько и возвратных путей к Отцу Небесному, потому в Священном Писании жизнь наша называется путями или стопами (как и в церковных молитвах): каждый грех, каждая страсть, каждая порочная склонность есть путь на страну, далекую от Бога, — кто по какой дороге ушёл, тот по той и воротись обратно. Обращение человека на путь добродетели потому так называется, что человек, шедши прежде по пути погибели, воротился на путь жизни. Шёл ты дорогою неверия — воротись назад по дороге и стань опять на путь веры, и сделай этот погибельный путь вперед непроходимым для себя: это в твоей воле, завали его хотя теми скорбными воспоминаниями о мучениях, которые причиняет душе неверие; ушёл ты дорогою гордости — по ней и воротись назад, и стань на место смирения, с которого ушёл, и гордость возненавидь, зная, что Бог гордым противится (1 Пет. 5,5); // ушёл дорогою зависти — по ней же и воротись и стань опять на место довольства тем, что тебе Бог послал; // если удалился по дороге скупости, воротись по ней назад и стань на прежнее место щедрости и залей этот гибельный путь слёзными потоками: пусть он сделается для тебя как бы мёртвым морем, в месте коего провалились твои незаконные исчадия; // ушёл по дороге ненависти и гнева — воротись и стань на место кротости и любви; // по дороге прельщения распутства — воротись и стань на дорогу умеренности, целомудрия. Словом, воротись назад каждый по той дороге, какую кто себе избрал, и уже больше не ходи по ней, а загроможди её чем можешь, так чтобы она уже была вперёд для тебя непроходима; возненавидь, почувствуй отвращение во глубине сердца к каждому греховному пути; ты по опыту знаешь, что на тех дорогах живёт смерть, не ходи же на явную смерть душевную, а часто и телесную, а иди в мире путём жизни, которым повелел тебе идти Владыка твоей жизни. Все грехи и страсти — смерть наша: они медленно убивают душу, пока, наконец, совсем убьют её и сделают пищею вечною огня геенского* [3, с. 150—151].

Как видно из примера, восемь афористических высказываний поместились в двух предложениях (в первом предложении — два, во втором — шесть афоризмов). Идея, заявленная в первых двух афоризмах, конкретизируется в последующих шести. Г. Я. Солганик, говоря о логических единствах, писал, что первое предложение всегда служит неким «центром, на котором строится всё логическое единство» [4, с. 39]. Все выделенные нами афоризмы вполне могут употребляться как отдельные, самостоятельные единицы. Однако, безусловно, в таких объединениях они обретают особую весомость. Последний афоризм, завершающий абзац и отделённый от всех остальных афористических единиц контекстом, служит выводом ко всему фрагменту, раскрывая подробно вариант «от противного», т. е. что будет, если человек не вернётся к добродетели.

Все афоризмы, за исключением последнего, содержат в себе указание на движение, включая такие существительные, как *путь*, *дорога*, а также глаголы *ходить* и *возвращаться*. Стоит отметить, что при помощи данных слов довольно обширный контекст, приведённый выше, вступает с афоризмами в семантические отношения. Благодаря метафорическому переосмыслению слов *путь* и *дорога* (т. е. закреплённый за этими словами образ человеческой жизни), афоризмы наделяются образностью, становятся в достаточной степени наглядными и в иллюстративном контексте не нуждаются. Однако при этом приведённый контекст не представляется излишним, а, наоборот, органично сочетается с афористическими изречениями. В сочетаниях с указанными словами, такими как *греховный путь*, *на тех дорогах живёт смерть*, *путь жизни*, *воротись назад по той дороге*, передающими идею движения человека, течения его жизни и возможности возвращения нравственной чистоты, находят своё отражение эмоциональное состояние автора на момент создания данных записей, передаёт атмосферу, в которой он находился в тот момент. Кроме того, хочется отметить попытку этимологизации слова *обращение* (в веру, на *путь добродетели*) путём активизации семы «возвратное движение» в значении нравственного исправления человека, что так же вступает в семантические отношения с образами *дороги* и *движения* как в структуре афоризмов, так и во фрагменте в целом.

Подводя итоги, подчеркнём, что дневники Иоанна Кронштадтского представляют большую ценность в свете обращения к славянскому культурному наследию. Их лингвистическое исследование является весьма перспективным в когнитологии и лингвокультурологии.

Литература

1. Валгина Н. С. Теория текста : учеб. пособие / Н. С. Валгина. — М. : Логос, 2003. — 280 с.
2. Калашникова Н. М. Афоризмы: вопросы теории и методики изучения жанра в школе / Н. М. Калашникова. — Ростов н/Д, 2003. — 84 с.
3. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Творения. Дневник. Том I. 1856—1858. Книга вторая / И. Кронштадтский. — М. : Отчий дом, 2002. — 496 с.
4. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика / Г. Я. Солганик. — 3-е изд. — М. : УРСС, 2006. — 232 с.
5. Щаренская Н. М. Греко-византийская традиция в русской риторике: трактат «О образех» / Н. М. Щаренская. — М. : Флинта ; Наука, 2004. — 250 с.

References

1. Valgina N. S. Teoriya teksta : ucheb. posobie / N. S. Valgina. — M. : Logos, 2003. — 280 s.
2. Kalashnikova N. M. Aforizmy: voprosy teorii i metodiki izuchenija zhanra v shkole / N. M. Kalashnikova. — Rostov n/D, 2003. — 84 s.
3. Sviatoy pravednyi Ioann Kronshtadtskij. Tvorenija. Dnevnik. Tom I. 1856—1858. Kniga vtoraja / I. Kronshtadtskij. — M. : Otchij dom, 2002. — 496 s.
4. Solganik G. Ja. Sintaksicheskaja stilistika / G. Ja. Solganik. — 3-e izd. — M. : Vysshaja shkola, 2006. — 232 s.
5. Shcharenskaja N. M. Greko-vizantijskaja tradicija v russoj ritorike: traktat «O obrazeh» / N. M. Shcharenskaja. — M. : Flinta ; Nauka, 2004. — 250 s.

ПАНОВА Ганна Олександрівна,

аспірант кафедри російської мови Інституту філології, журналістики та міжкультурної комунікації Південного федерального університету; Ростов-на-Дону, Росія;
e-mail: panyann@yandex.ru; моб.: +7 8 919 8904794

АФОРИСТИКА ЯК ВІДОБРАЖЕННЯ ЖИТТЄВОЇ ФІЛОСОФІЇ У ЩОДЕННИКАХ ІОАННА КРОНШТАДТСЬКОГО 1856—1858 РОКІВ

Анотація. У статті розглядаються функції афористичних одиниць у щоденниках Іоанна Кронштадтського (Сергієва) 1856—1858 рр. Відзначається здатність афоризмів відображати моральні пріоритети автора досліджуваних щоденників. У статті наводиться тематична класифікація афоризмів, які за семантикою умовно можна поділити на дві великі групи: ті, що характеризують «мирське» і «релігійне» в авторській мовній картині світу. Піддаються детальному аналізу афоризми з трьох тематичних груп, найбільш актуальних для Іоанна Кронштадтського. Таким чином, у статті розглядаються афоризми про пристрасті людини, про покликання священнослужителя, про співвідношення Божественного і людського начал у людині. Активне використання тропів у щоденникових записах пояснюється їх когнітивними властивостями, а також здатністю тропів до «продовженої» дії. Однією з яскравих синтаксичних особливостей афористики щоденників Іоанна Кронштадтського постає залучення афоризмів у складне синтаксичне ціле. У рамках складного синтаксичного цілого відбувається розгортання тієї чи іншої теми за допомогою афоризмів, у структурі яких спостерігаються лейтмотивні повторення образів, лексичних одиниць тощо. Складне синтаксичне ціле в досліджуваних текстах може налічувати у своїй структурі від трьох до дев'яти афоризмів.

Ключові слова: афоризм, щоденник, моральні цінності, релігійний дискурс, Іоанн Кронштадтський.

Anna A. PANOVA,

Postgraduate Student of Russian Language Department, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of Southern Federal University; Rostov-on-Don, Russia;
e-mail: panyann@yandex.ru; mob.: +7 8 919 8904794

APHORISTICS AS IS THE REFLECTION OF THE LIFE PHILOSOPHY IN THE DIARIES OF 1856—1858 BY ST. JOHN OF KRONSTADT

Summary. The article is devoted to functions of aphoristic units in the diaries of St. John of Kronshtadt (Sergiev) in 1856—1858. The author emphasizes the ability of aphorisms to represent the mental values of the author in diaries. The thematic classification of aphoristic units is given which can be divided into two great groups: one characterizing «temporal» and the other characterizing «spiritual» elements in the author's language worldview. The detailed analysis of aphorisms from three topical groups actual for St. John of Kronshtadt are subjected in the article. Thus, the author considers aphorisms about human passions, model of ideal priest, correlation of human and divine elements in man's nature. Active using tropes are explained their cognitive features and their prolong activity abilities. One of the main syntactic features of aphorisms of St. John's of Kronshtadt diary is their involving into complex syntactical units. In the complex syntactical units some main topics develop due to using aphorisms, which have leitmotiv repetition of key images, lexical units and etc. in their structure. The complex syntactical units can consist from three to nine aphorisms in the structure.

Key words: aphorism, diary, religious discourse, St. John of Kronshtadt, moral valuables.

Статтю отримано 16.08.2014 р.